

образомъ, любопытство. Къ сожалѣнію, незнаніе языка чрезвычайно мѣшало нашимъ сношеніямъ съ туземцами. Объяснялись мы большею частію пантомимами или съ помощью нѣсколькихъ монгольскихъ словъ, которыя понимали нѣкоторые изъ тибетцевъ.

Типы приходившихъ къ намъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, втихомолку срисовывалъ В. И. Роборовскій, всегда искусно умѣвшій пользоваться для этого удобными минутами. Когда, въ свою очередь, намъ, или чаще нашимъ казакамъ, случалось заходить въ палатки сосѣднихъ тибетцевъ, то эти послѣдніе видимо старались поскорѣе выпроводить непрошенныхъ гостей; ни разу не предлагали чаю или молока, что всегда дѣлается въ каждой монгольской юртѣ; словомъ, не высказывали гостепріимства — лучшаго обычая всѣхъ азіатскихъ кочевниковъ.

Проходъ нашъ безъ проводника черезъ сѣв. Тибетъ, побитіе ёграевъ, о чемъ здѣсь вездѣ уже знали, наше скорострѣльное оружіе и умѣнье стрѣлять — все это производило на туземцевъ необычайное впечатлѣніе, еще болѣе усиливавшееся тѣми нелѣпыми слухами, которые распускала про насъ народная молва. Такъ, вездѣ увѣряли, что мы трехглазые, чему поводомъ служили кокарды нашихъ фуражекъ; что наши ружья убиваютъ на разстоянія необычайныя и стрѣляютъ безъ перерыва сколько угодно разъ, но сами мы неуязвимы; что мы знаемъ все напередъ и настолько сильны въ волшебствѣ, что даже наше серебро есть заколдованное желѣзо, которое со временемъ приметъ свой настоящій видъ. Ради этой послѣдней нелѣпости тибетцы сначала не хотѣли продавать намъ что-либо, и лишь впоследствии разувѣрились въ мнимой опасности, хотя все таки не вполнѣ.

Изъ отряда, выставленнаго на границѣ владѣній Далай-ламы, при насъ находились посмѣнно пятеро солдатъ, подъ предлогомъ охраны, а въ сущности, конечно, для того, чтобы наблюдать за нами. Въ этомъ откровенно сознались и сами солдаты, которые въ большинствѣ были довольно услужливы, въ особенности когда мы вдоволь кормили ихъ бараниною. Отъ солдатъ мы опять узнали, что противъ нашей горсти собранъ въ Напчу большой отрядъ, которому предписано силою противиться нашему дальнѣйшему движенію. «Подъ страхомъ смертной казни, намъ велѣно драться съ вами, а не убѣгать», простодушно объясняли солдаты; «но что мы можемъ сдѣлать противъ вашихъ ружей и вашей смѣлости; при 'первыхъ выстрѣлахъ съ вашей стороны мы всѣ побѣжимъ, а тамъ пусть что будетъ, то будетъ. Да и наши начальники трусятъ не меньше насъ; они постоянно молятъ Бога, чтобы бѣда миновала».

Тибетскіе
солдаты.